

«ЛИНИЯ КЕРЗОНА» В СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В 1941–1945 гг.

А.А. Жиров (Калининград)

Появление новой границы между советскими республиками и Польшей, рекомендованной 8 декабря 1919 г. Верховным советом Антанты, восходит к годам Первой мировой войны [18, р. 121]. Вопрос будущего Польши был одним из главных в политике Великобритании в Восточной Европе. Министр иностранных дел Артур Бальфур первоначально усматривал будущее Польши не как возрожденного суверенного государства, а как автономной части Российской империи [19, с. 40–43]. Он утверждал, что слабое буферное государство между Германией и Россией не отвечает интересам Западной Европы и может представлять собой арену споров и противоречий. Однако события октября 1917 г. в России заставили Форин-офис рассмотреть иные варианты урегулирования вопроса о польско-российской границе.

Выбор нового инструмента пограничного регулирования между Россией и Польшей основывался на двух главных мотивах: 1) население территорий, которые должны были войти в состав Второй Речи Посполитой, в большинстве своем должно было быть польским, т.е. национально гомогенным; 2) Антанта все еще надеялась на победу контрреволюционных сил в России и рассчитывала на возобновление союзнических отношений [15, с. 230].

Таким инструментом стала «линия Керзона», названная в честь лорда Джорджа Натаниэла Керзона, главы МИД Великобритании в 1919–1924 гг., которая была представлена в форме ультиматума советскому правительству 11 июля 1920 г. [10, с. 159–162]. Хотя само авторство идеи, представленной в ноте Керзона, в историографии нередко приписывают Льюису Нэмиру (Lewis Namier), эксперту Форин-офиса по делам Польши, который еще в 1917 г. обосновал идею проведения восточной границы Польши по «этнографическому признаку». Западнее неё располагались территории с преобладающим польским населением, а к востоку проживали преимущественно литовцы, белорусы и украинцы. Стоит отметить, что сам Нэмир в 1920 г. не являлся штатным сотрудником МИД [17].

В телеграмме советскому правительству Керзон настаивал на прекращении наступления Красной армии, которая должна остановиться в 50 км на востоке от линии Гродно – Валовка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогоуск – Устилуг – восточнее Грубешева – Крылов – западнее Равы-Русской – восточнее Перемышля – до Карпат.

Советское правительство отказалось от данного предложения. Красная армия продолжила свое наступление, но уже в середине августа была разбита под Варшавой, покинув не только польские, но и украинские и белорусские территории. В 1921 г. РСФСР подписала мирный договор в Риге, по которому граница с Польшей прошла на много десятков километров восточнее «линии Керзона» [3, с. 92].

Вслед за этим в 1923 г. под давлением Франции и Польши от «линии Керзона» решено было отказаться. 14 марта 1923 г. Совет послов Франции, Англии, Италии и Японии утвердил новую границу Польши с СССР и Литвой, закрепив за ней Вильнюсский край, Западную Волынь и Восточную Галицию, а также Западную Белоруссию [16]. Вплоть до Второй мировой войны «линия Керзона» исчезла из дипломатического словаря.

Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы проанализировать возвращение в годы Второй мировой войны в дипломатическую практику понятия «линии Керзона» и его использование СССР в борьбе за новые границы в Восточной Европе.

После своего забвения в 1920-е гг. «линия Керзона» была реанимирована с началом новой мировой войны. В 1939–1940 гг. СССР воспользовался сложившейся в Европе ситуацией для того, чтобы вернуть территории, утраченные в послереволюционные годы. 17 сентября 1939 г. советские войска вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Новая граница Советского Союза, установленная в 1939 г. с Германией, прошла в основном по «линии Керзона», лишь в районе города Белостока отклоняясь на запад [6, с. 172]. Новые границы не были официально признаны западными странами.

Возможность юридического оформления новой западной границы открылась перед Советским Союзом во время Великой Отечественной войны. После создания антигитлеровской коалиции СССР установил союзные отношения с эмиграционным правительством Польши. Однако в вопросе послевоенного пограничного урегулирования между двумя сторонами обозначились непримиримые разногласия. Польское правительство в Лондоне не признавало произошедших после 1939 г. территориальных изменений и требовало возвращения советско-польской границы, установленной по Рижскому миру [6, с. 129]. Английское правительство поддерживало точку зрения поляков. Главной причиной такой позиции была слабая оценка союзниками перспектив советской армии на восточном фронте. Как позже написал У. Черчилль, «на этой стадии борьбы мы не могли признать законной оккупацию русскими польской территории в 1939 г.» [14, р. 182].

Советский Союз не оставлял надежд на поддержку союзниками вопроса о границе с Польшей. 16 декабря 1941 г. на встрече с А. Иденом в Москве Сталин предложил план расчленения Германии с передачей Восточной Пруссии Польше за исключением Тильзита, который перешел бы к Литве [8, с. 37–38]. В дальнейшем позиция Москвы была скорректирована: Идену предложили подписать конфиденциальный протокол, следующим образом определявший будущую советско-польскую границу: «Восстановление Польши в границах 1939 г. с оставлением в пользу СССР территории Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с преобладающим польским населением..., а также расширить территорию Польши за счет западной части Восточной Пруссии» [12, с. 130]. Уже в 1941 г. советское

правительство в своей политике по определению будущих границ на Западе фактически ориентировалось на принципы «линии Керзона». Однако в 1942 г. из-за отсутствия понимания у западных союзников вопрос о будущих границах СССР был временно снят с международной повестки.

Позиция Англии и США изменилась в 1943 г. Причиной этому стали успехи советской армии, победы под Сталинградом и на Курской дуге заставили их считаться с советскими требованиями. Вопрос о польских границах практически был решен в ходе Тегеранской конференции. На заседании 1 декабря 1943 г. британский премьер заявил, что «очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции» [13, с. 150].

Для Сталина было очень важно, чтобы новая граница была признана поляками. 4 февраля 1944 г. в своем письме к Черчиллю он потребовал от последнего содействия в официальном признании польским правительством новой границы по «линии Керзона»: «Я считаю, что Польское Правительство должно заявить официально в своей декларации, что линия границы, установленная Рижским договором, подлежит изменению и что линия Керзона является линией новой границы между СССР и Польшей. Оно должно об этом заявить так же официально, как это сделало Советское Правительство, которое заявило, что линия границы 1939 года подлежит изменению и что советско-польской границей должна быть линия Керзона» [7, с. 229].

Объясняя свою позицию по поводу будущих границ в Восточной Европе Черчилль аргументировал ее следующим образом: «Я испытываю чувство величайшей симпатии к полякам... но я также сочувствую точке зрения русских. Россия имеет право на гарантии против повторения нападения на нее с запада, и мы идем до конца с ней, чтобы она получила такие гарантии не только силой своего оружия, но и в результате одобрения и согласия Объединенных наций. Я не считаю, что требования русских гарантии их западных границ выходят за рамки разумного и справедливого» [9, с. 783]. С позицией Черчилля были согласны и американские дипломаты, о чем высказался американский посол в СССР А. Гарриман: «Польский вопрос в первую очередь касается СССР, во вторую очередь – Великобритании и лишь в третью очередь – Соединенных Штатов» [11, с. 21–22].

Сталин отлично понимал, что «линия Керзона» – важнейший инструмент в обосновании будущей советско-польской границы для мировой общественности. Он специально акцентировал внимание союзников на том, что сама «линия Керзона» была разработана Великобританией без согласия Советской России. Но, несмотря на это, он готов признать эту линию во имя исторической и этнической справедливости в регионе. Так Сталин обосновывал свою позицию во время беседы в Москве 28 апреля 1944 г. с ксендзом Ст. Орлеманьским: «Тов. Сталин, думает, что союз России с Польшей, Польши с Украиной и Польши с Белоруссией наладится

лишь в том случае, если ни одна из указанных стран не будет присваивать себе земель другой страны. Ему, тов. Сталину, кажется, что после того, как не будет у этих стран претензий друг к другу, можно будет наладить дружбу между ними. Именно из этого исходило Советское Правительство, когда оно предлагало линию Керзона. Он, товарищ Сталин, должен сказать, что линия Керзона была в свое время предложена не с согласия Советского Правительства, а против его воли. Эта линия была выработана во время Парижской мирной конференции» [1, с. 39].

4–11 февраля 1945 г. в Ялте во время Крымской конференции «Большой тройки» возражений по поводу будущей советско-польской у Черчилля и Рузвельта не было. Итогом работы Крымской конференции стало признание восточной границы Польши вдоль «линии Керзона» [4, с. 263].

16 августа 1945 г. в Москве был заключен советско-польский договор об окончательном определении государственной границы между странами, соответствующей в основном «линии Керзона», с некоторыми отступлениями в пользу Польши [2].

В заключение стоит отметить, что «линия Керзона» в момент своего появления была стратегическим ходом Великобритании в реализации своего видения послевоенного урегулирования в Европе. Новая граница, предполагавшая по представлению Франции сдерживание советской России, на самом деле обеспечивала гегемонию Великобритании на континенте. Однако через 20 лет «линия Керзона» стала главным аргументом в политике Советского Союза по обеспечению своих интересов на западных границах. «Линия Керзона» позволила советской дипломатии обосновывать свои претензии на Западную Украину и Западную Белоруссию не с позиции силы, а опираясь на международный юридический прецедент, что обеспечило легитимность новых границ на Западе со стороны международного сообщества.

Источники и литература:

1. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1. – 985 с.
2. Договор от 16 августа 1945 г. о советско-польской государственной границе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/mdogov/megd4949.htm>. – Дата доступа: 27.03.2018.
3. Колмагоров, К. Н. Линия Керзона / К. Н. Колмагоров // Новый часовой. – 2004. – № 15–16. – С. 86–96.
4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании. – М. : Политиздат, 1984. – 302 с.
5. Мариуш, В. Внешняя политика СССР в 1935–1939 гг.: некоторые соображения / В. Мариуш // Вестник МГИМО. – 2009. – №4. – С. 166–176.
6. Очерки истории российской внешней разведки : в 6 т. – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 4. 1941–1945 годы. – 696 с.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. – М. : Политиздат, 1989. – Т. 1. – 472 с.
8. Ржешевский, О. А. Сталин и Черчилль / О. А. Ржешевский. – М. : Наука, 2004. – 576 с.

9. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. – М. : Терра, 1995. – 800 с.
10. Сергеев, Е. Ю. Британский политик лорд Керзон / Е. Ю. Сергеев. // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6. – С. 154–168.
11. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 2. – 572 с.
12. СССР и германский вопрос. 1941–1949: документы из Архива внешней политики РФ. – М. : Наука, 1996. – Т. 1. – 784 с.
13. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. – М. : Политиздат, 1984. – Т. 2. – 510 с.
14. Черчилль, У. Вторая мировая война / У. Черчилль. – М. : Воениздат, 1991. Кн. 2. – 671 с.
15. Buszko, J. Historia Polski: 1864–1948 / J. Buszko. – Warszawa, 1985. – 479 s.
16. Mecik, P. 95 lat temu mocarstwa zachodnie uznały wschodnią granicę II RP [Electronic resource] / P. Mecik. – Mode of access: <http://nowahistoria.interia.pl/aktualnosci/news-95-lat-temu-mocarstwa-zachodnie-uznaly-wschodnia-granice-ii-nId,2557402>. – Date of access: 27.03.2018.
17. Rusin, B. Lewis Namier, the Curzon Line, and the shaping of Poland's eastern frontier after World War I [Electronic resource] / B. Rusin. – Mode of access: <http://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/SDR/article/viewFile/SDR.2013.19/7992>. – Date of access: 27.03.2018.
18. Terry, S. M. Poland's Place in Europe: General Sikorski and the Origin of the Oder-Neisse Line, 1939–1943 / S. M. Terry. – Princeton : Princeton University Press. – 1983. – 412 p.
19. Złotkiewicz-Kłębukowska, J. Od Balfoura do Curzona – polityka Wielkiej Brytanii wobec odradzającej się Polski 1918–1920 / J. Złotkiewicz-Kłębukowska // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. – Sectio Historia. – 2009. – № 64. – S. 37–53.

АМЕРИКАНСКАЯ ПРОГРАММА ЛЕНД-ЛИЗА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕЕ ДЕЙСТВИЯ НА СССР

С.М. Монин (Москва)

В истории Второй мировой войны до сих пор сохраняются сюжеты, не до конца ясные и понятные не только широкой публике, но иногда и представителям образованной общественности. К их числу можно отнести и некоторые аспекты американской программы ленд-лиза. В частности, в отдельных публикациях, а уж тем более на просторах интернета можно столкнуться с путанными представлениями о том, как возникла эта программа и на каких условиях в соответствии с ней США предоставляли свою помощь, как и когда к ленд-лизу был подключен Советский Союз.

К появлению программы ленд-лиза СССР не имел никакого отношения. Более того, в Америке были влиятельные силы, которые с самого начала стремились заранее исключить саму возможность ее применения в отношении Советской России. Эта программа родилась ради спасения, прежде всего Британии.

С началом мировой войны президент США Рузвельт, исходя из жизненных интересов своей страны, был готов оказать поддержку противни-